

— Тогда прошу войти, — голос Му Тинье заставил матушку Линь очнуться.

Цинфэн все еще колебался. Му Тинье посмотрел на него:

— Цинфэн, если каждый шаг отказа от себя приблизит меня к мести, я готов пожертвовать тем, кто я есть сейчас. — Его голос, развеянный холодным ветром, звучал так печально, что невозможно было понять, что холоднее — ветер или его слова.

Цинфэн крепко сжал губы, боясь, что не сдержится и расплачется. Он понес Му Тинье впереди себя, уложил на кровать, аккуратно укрыл одеялом, молча растопил печь и, когда матушка Линь вошла в комнату, подал ей горячий чай.

— Это то, чего хочет господин, и я надеюсь, вы не будете его мучить, — голос Цинфэна был глухим. Му Тинье понимал, что тот на пределе.

Тихо вздохнув, он сказал:

— Цинфэн, выйди, приведи себя в порядок. Сегодня мы уезжаем. — Му Тинье хотел дать Цинфэну время и пространство, чтобы прийти в себя.

Цинфэн опустил голову, не говоря ни слова. Быстро выйдя из комнаты, он почувствовал, как слезы катятся по щекам. Он крепко прикрыл рот рукой, зная, что Му Тинье и так страдает достаточно, и не хотел причинять ему еще больше душевной боли.

Смотря на спину Цинфэна, Му Тинье тоже стиснул зубы, глубоко вдохнул, чтобы успокоиться.

— Матушка Линь, мое предложение простое: я хочу поступить в Павильон Туманов.

— Ха-ха, хорошо, матушка все подготовит, — с нетерпением ответила матушка Линь.

— Но у меня есть три условия, — глаза Му Тинье горели решимостью, сверкая в полумраке комнаты.

— Хорошо, не три, а тридцать условий — матушка выполнит! — улыбнулась матушка Линь.

— Первое: Цинфэн — мой человек, и никто, кроме меня, не может им командовать, — Му Тинье больше всего беспокоился о Цинфэне. Сейчас он уже был ни к чему не привязан и лишь надеялся не погубить слугу.

— Хорошо, проблемы нет, — быстро согласилась матушка Линь.

— Второе: я сам выбираю, с кем буду общаться. Если я не согласен, вы не можете меня заставлять, — Му Тинье знал, что это условие выполнить непросто, но все же хотел сохранить последние крупницы достоинства.

Матушка Линь стиснула зубы, но ради того, чтобы заполучить эту «золотую жилу», решила потерпеть.

— Ладно, я согласна.

— Третье: чтобы заказать меня, нужно суметь продолжить мое стихотворение, — сказал Му Тинье. Это было его заранее продуманное условие. Большинство богатых повес вряд ли смогут с этим справиться. Кроме того, посетители Павильона Туманов движимы любопытством, и такая загадочность только привлечет больше внимания.

Матушка Линь немного заколебалась, но Му Тинье с легкой улыбкой произнес:

— Если матушка не согласна, то пусть будет как есть.

— Я согласна, согласна! Если упущу такой талант, где мне еще найти такого! — матушке Линь пришлось уступить.

— После ужина сегодня вечером приходите за мной, — Му Тинье выдохнул, наконец сделав этот шаг.

Проводив матушку Линь, Цинфэн уже сварил кашу, вытер слезы и тихо вошел в комнату с тарелкой. Му Тинье открыл уставшие глаза и тепло посмотрел на него.

Цинфэн поставил кашу и, уже зная о тех условиях, которые Му Тинье выдвинул, сказал:

— Молодой господин, я только хочу, чтобы, что бы ни случилось, Цинфэн мог всегда быть рядом с господином.

Му Тинье легко похлопал его по руке:

— Естественно, не переживай.

Этот ужин прошел спокойно. Возможно, это был последний раз, когда они ели такую простую пищу, но, если бы был выбор, Му Тинье предпочел бы так жить всю жизнь.

После ужина Цинфэн, как обычно, помог Му Тинье сесть, одной рукой поддерживая его спину, а другой мягко массируя желудок.

— Цинфэн, больше не называй меня молодым господином, — тихо сказал Му Тинье.

— А как тогда? — растерянно спросил Цинфэн.

— Господином. Так мне будет легче забыть, что я Му Тинье. С этого дня я — возродившийся человек. Я — Ю Лило, — Му Тинье давно все обдумал.

— Молодой господин... ой, то есть господин, почему именно это имя?

— Тело такое бессильное, заточено в постели, семья ушла, род угас — разве это не «Печальное Упадание»? — его голос звучал тихо, словно доносился издалека.

В ту ночь в Павильон Туманов вошел невероятно красивый мужчина по имени Ю Лило, известный как Молодой господин Юмин. Ходили слухи, что у Молодого господина Юмина несравненное лицо, и хотя его тело парализовано, он является уникальным красавцем. Это привлекло многих, но у Молодого господина Юмина были свои правила: тот, кто не мог ответить на его загадку, не мог увидеть его даже за тысячу золотых.

Пять дней спустя этот маленький город встретил свой самый великий день. Седьмой принц династии Тяньлинь, Его Высочество принц Лин — Янь Цзыцин — прибыл с визитом.

Ю Лило попросил Цинфэна перенести его к креслу у окна. На широкой улице уже толпился народ, много молодых девушек в своих лучших нарядах, и все надеялись, что принц Лин заметит их однажды, и они взлетят на высшие ветви, превратившись в фениксов.

Ю Лило внимательно разглядывал мужчину на коне. Густые черные волосы были собраны в

прическу белой нефритовой диадемой, а кончики развевались на ветру. Высокий в седле, со статной осанкой, он левой рукой держал поводья, а правой — меч. Под высокими дугообразными бровями горели живые глаза. Смуглая кожа говорила о том, что этот мужчина привык к военным походам и сражениям.

Ю Лило вдруг почувствовал зависть к этому человеку. Крепкое тело, сильные ноги, смуглая кожа, гордо сидящий на боевом коне, с мечом в руке — это должна была быть его жизнь. Теперь же об этом можно было только мечтать.

Янь Цзыцин с раздражением смотрел на давку на улице, особенно на тех женщин, которые кокетничали. Долгие годы на поле боя приучили его к запаху пота, а теперь эти обильные ароматы духов, развевающиеся повсюду, вызывали у него сильное отвращение.

Его взгляд блуждал, пока вдруг не встретился с парой глаз на втором этаже. Не знаю почему, но в ту секунду, когда он увидел эти глаза, Янь Цзыцин почувствовал, что этот человек — особенный. В глубокой глазнице таилось слишком много историй, а вся его печаль на фоне шумной и оживленной улицы выглядела столь неуместно.

Янь Цзыцин немного замедлил ход, желая получше рассмотреть этого человека.

Ю Лило подозревал Цинфэна, и тот, поняв его без слов, поднял его и понес в другую сторону. Янь Цзыцин поднял голову, оглядываясь по сторонам, и увидел, как слуга уносит его на руках в сторону. Видя, как тот беспомощно лежит в чужих объятиях, сердце Янь Цзыцина слегка сжалось. Он не мог понять, что это было, но чувствовал, что в душе растет что-то, что вот-вот распустится, проявив то, чего он сам не ожидал.

Янь Цзыцин смотрел, пока его фигура не исчезла из виду, и только тогда отвел взгляд. Он опустил голову и внимательно посмотрел на здание, на котором крупно было написано три иероглифа — «Павильон Туманов». Брови Янь Цзыцина невольно нахмурились. Слава Павильона Туманов была известна каждому в огромной династии Тяньлинь. Он всегда презирал людей такого сорта: ведь можно сражаться на поле боя во имя страны или зарабатывать на жизнь своими руками, зачем же унижаться в подобных местах.

Но этот человек, казалось, изменил его мнение. Его глаза были такими чистыми, в них не было ни легкомыслия, ни вульгарности, свойственных обитателям борделей. Он был похож на одинокий одуванчик среди ветра и пыли, такой хрупкий, что казалось, будто его развеет при малейшем дуновении. Янь Цзыцину вдруг пришла в голову мысль — защитить его.

— Седьмой господин, что вы смотрите? — спросил Янь Ган, вице-командующий, сопровождавший Янь Цзыцина в походах.

Янь Цзыцин улыбнулся, слегка приподняв уголки губ, и покачал головой:

— Ничего. Давайте вечером заглянем в этот Павильон Туманов.

— Что? Седьмой господин, вы не шутите? Если моя жена узнает, она меня убьет, — на лице Янь Гана отразился ужас.

— Ха-ха-ха, не думал, что знаменитый на поле боя генерал окажется тем, кто боится собственной жены! — Янь Цзыцин смеялся свободно и громко, а затем, пришпорив коня, умчался прочь, оставив Янь Гана на месте в полном недоумении.

— Господин, вам нужно принять ванну? — Цинфэн, как всегда, понимал Ю Лило с полуслова.

<http://bllate.org/book/16758/1540845>